Харьковская Библіотека Общественныхъ Знаній.
Серія I, выпускъ 5.

Н. А. Гредескулъ,
профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета.

8/66

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА.

I. Соціологическое изученіе права.
II. Творческія задачи въ современномъ гражданскомъ правѣ.
III. Къ теоріи власти.

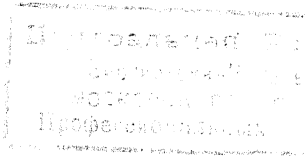
ИЗ КНИГ ... А. ЩЕНЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.
1906.

10к 2-й экз

350
36

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., с. д.
Москва—1906.



ОТЪ АВТОРА.

Собранные въ настоящей книжкѣ этюды по современнымъ вопросамъ права представляютъ собою рѣчи, произнесенныя авторомъ въ разное время и по различнымъ поводамъ. Первый изъ нихъ — *Соціологическое изученіе права* — представляетъ собою рѣчь передъ диспутомъ, произнесенную въ Казанскомъ университетѣ 22 октября 1900 г.; второй — *Творческія задачи въ современномъ гражданскомъ правѣ* — есть рѣчь, произнесенная на торжественномъ засѣданіи при открытіи Харьковскаго юридическаго общества 3 февраля 1901 г.; наконецъ, третій — *Къ теоріи власти* — есть извлеченіе изъ рѣчи, произнесенной также въ Харьковскомъ юридическомъ обществѣ 19 марта 1905 года.

Буду очень радъ, если эти этюды своимъ содержаніемъ смогутъ заинтересовать и болѣе широкую публику, которая именно въ настоящее время проявляетъ усиленный интересъ къ вопросамъ права въ соціологической ихъ обработкѣ; но, главнымъ образомъ, посвящаю ихъ студентамъ —

своимъ слушателямъ, какъ настоящимъ, такъ и бывшимъ. Идейная связь съ моими слушателями является для меня особенно дорогой, и я не могу отрѣшиться отъ мысли о ней, выпуская въ свѣтъ отдѣльной книжкой эти рѣчи, выражающія собою мое отношеніе къ основнымъ вопросамъ права.

11 іюня 1905 г.

Соціологическое изученіе права.

Мм. гг.! По принятому академическому обычаю на меня ложится обязанность мотивировать здѣсь предъ вами мой трудъ съ точки зрѣнія существующаго положенія науки и ея очередныхъ задачъ. Но что разумѣть подъ существующимъ положеніемъ юриспруденціи? и какія задачи надо считать для нея очередными въ настоящій моментъ? Никто, вѣроятно, не станетъ отрицать того, что юриспруденція переживаетъ теперь критическій періодъ, уже порядочно затянувшійся, но все еще не обѣщающій скораго конца. Кризисъ обусловленъ тѣмъ, что въ наукѣ о правѣ существуетъ три направленія, спорящихъ за преобладаніе и до сихъ поръ не пришедшихъ къ такому соглашенію, которое давало бы имъ возможность мирно уживаться рядомъ и взаимно помогать другъ другу въ выполненіи специфическихъ задачъ каждаго. Эти три направленія суть: *догматическое, историческое и соціологическое.* Послѣднее названіе еще не установилось, но оно кажется мнѣ самымъ удачнымъ, и, употребляя его, я слѣдую примѣру моего уважаемаго оппонента, профессора Г. Ф. Шершеневича. Кто желаетъ въ настоящее время сознательно работать въ юриспруденціи, тотъ долженъ дать себѣ ясный отчетъ въ соотношеніи этихъ трехъ направленій, и мотивировать какой-либо научный юридическій трудъ съ точки зрѣнія существующаго положенія науки—это значитъ, въ сущности, отдать предпочтеніе одному изъ нихъ

Въ этомъ отношеніи я долженъ прямо и безъ обиняковъ сказать, что самымъ важнымъ считаю направленіе соціологическое; и это не только потому, что въ предѣлахъ послѣдняго лежатъ самыя важныя, по моему мнѣнію, задачи правовѣдѣнія, но и потому, что разрѣшеніе этихъ задачъ окажетъ самое благодѣтельное вліяніе какъ на догматику, такъ и на исторію права. Перешедши такимъ образомъ Рубиконъ, двинемся дальше.

Догматическое изученіе права весьма важно и необходимо, но лишь для одной цѣли—для практическаго примѣненія права въ жизни. Оно есть изученіе подчиненное, вся догматика возникла и существуетъ, какъ ancilla justitiae, служанка правосудія. Правосудіе есть дѣло великой важности, но все же не самое важное въ области права; въ жизни права есть задача еще болѣе важная, чѣмъ примѣненіе права, а именно его созданіе, и передъ этой задачей догматика оставляетъ насъ совершенно безсильными, ибо вопросъ о томъ, каково должно быть право, есть вопросъ, для нея не существующій.

Изученіе исторіи права есть задача сама по себѣ вполнѣ научная, скорѣе теоретическая, чѣмъ практическая. Но вѣдь исторія исторіи рознь. Понятіе исторіи колеблется, такъ сказать, между двумя крайними полюсами: простымъ изображеніемъ хода событій и полнымъ объясненіемъ ихъ смѣны и послѣдовательности. Исторія перваго рода если и имѣетъ научное значеніе, то только какъ предуготовленіе къ настоящей научной исторіи,—исторіи объясняющей, а не изображающей только событія. Но послѣднюю создать нелегко, и во всякомъ случаѣ для этого требуются предварительныя работы внѣ области исторіи. Чтобы понимать исторію какого-либо явленія, надо сперва понять самое это явленіе, уяснить себѣ его природу, какъ такового, помимо его историческаго движенія. Поэтому и насто-

ящая исторія права совершенно невозможна безъ теоріи права. Что это именно такъ, это лучше всего можно подтвердить ссылкой на такъ называемую историческую школу права.

Экскурсіи въ область прошлаго со стороны юристовъ совершались и до исторической школы, а между тѣмъ начало историческаго направленія въ правѣ мы датируемъ только концомъ XVIII и началомъ XIX вѣка. Почему же это такъ? Потому что только съ этого времени выступаетъ на сцену особая теорія права, именно и составляющая характеристику и особенность исторической школы права. Почему для насъ историческая школа прежде всего и больше всего связана съ именемъ великаго Савиньи? Потому что онъ есть главный творецъ той теоріи права, которая характеризуетъ собою историческую школу; труды его предшественниковъ только подготовляли его теорію, а труды его послѣдователей только развивали ее дальше. Итакъ, основной характеристикой исторической школы является не то, что она обратилась къ исторіи права, а то, что она выставила особую теорію права. Да иначе и быть не могло: она хотѣла дать объясненіе исторической жизни права, а это совершенно невозможно безъ теоріи права.

Выполнила ли историческая школа свою задачу по отношенію къ исторіи права? Дала ли она намъ такое объясненіе исторіи права, которое бы насъ вполнѣ удовлетворило? Едва ли можно на этотъ вопросъ дать отвѣтъ утвердительный. Приведемъ по этому поводу два отзыва объ исторической школѣ, старый—Іеринга и новый—Антона Менгера. По остроумному выраженію Іеринга, въ его „Духѣ римскаго права“, авторы исторической школы работали надъ исторіей римскаго права съ микроскопомъ въ рукахъ вмѣсто того, чтобы взять требующійся здѣсь телескопъ; они руководились слишкомъ близкими точками зрѣнія; они изощрялись

надъ частностями и деталями вмѣсто того, чтобы стремиться схватить и понять цѣлое. Результатомъ было то, что *вмѣсто исторіи права* они давали только руководства *къ институтамъ и пандектамъ различныхъ періодовъ римской исторіи.* Въ сущности, таковъ же по своему смыслу и отзывъ Менгера, данный имъ сорокъ лѣтъ спустя послѣ Іеринга, въ его извѣстной рѣчи: „О соціальныхъ задачахъ юриспруденціи". Въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, говоритъ онъ, нѣмецкіе юристы занимались историческимъ изслѣдованіемъ права и успѣли прослѣдить происхожденіе всѣхъ учрежденій до самыхъ ихъ корней, но, увы, все это *безъ всякаго критическаго духа*—„этого перваго условія всякой истинно-научной дѣятельности", по справедливому выраженію того же автора.

Итакъ, историческая школа не выполнила своей исторической задачи, не дала намъ объясненія исторіи права Почему? Потому что руководившая ею теорія права заключала въ себѣ важные недостатки.

Эта теорія всѣмъ хорошо извѣстна. Право есть продуктъ народнаго духа, а не произвола законодателя. Народный духъ въ правѣ себя раскрываетъ или обнаруживаетъ. Историческое развитіе права вполнѣ закономѣрно и происходитъ съ такою же правильностью и необходимостью, съ какою, напр., изъ зерна происходитъ развитіе растенія — вотъ основныя положенія этой теоріи. Великая заслуга исторической школы состоитъ въ томъ, что она поставила право въ связь съ цѣлымъ народомъ, т.-е. съ общественной средой и признала развитіе его закономѣрнымъ, но ея представленіе о природѣ права было все-таки несовершеннымъ. Какъ условія образованія права, такъ и роль его въ общественной жизни она представляла себѣ ошибочно. По ея представленію выходило, будто народный духъ раскрываетъ себя въ правѣ просто ради самаго процесса раскрытія, что онъ творитъ право, wie

der Vogel singt, der in den Zweigen wohnet; выходило, что право есть какой-то пассивный продуктъ внутренней жизни народнаго духа, происходящей въ такихъ таинственныхъ его глубинахъ, куда мы и заглянуть-то не можемъ.

При такомъ взглядѣ на право оставалось одно—наблюдать процессъ его выдѣленія изъ народнаго духа какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Исторія права становилась при этомъ простымъ разсказомъ о смѣнѣ институтовъ однихъ другими, а задача созиданія и реформы права сводилась къ старанію подслушать, что невнятно шепчетъ народный духъ въ данную минуту. Съ такой теоріей историческая школа оказалась безсильной какъ передъ научной задачей объяснить исторію права, такъ и передъ практической задачей — создать новое право на смѣну отжившему. Именно ея теорія привела ее и къ научному квіэтизму, и къ практическому безсилію.

Чтобы сдвинуть юриспруденцію съ мертвой точки, очевидно, надо было снова воздѣйствовать на основной рычагъ всего ея механизма—на теорію права. Къ счастію, нашелся и умъ, умъ Рудольфа Іеринга, не уступающій уму Савиньи, который понялъ это и, дѣйствительно, могучей рукой далъ теоріи права хорошій толчокъ впередъ. Любопытно при этомъ отмѣтить, что и для Іеринга исходной точкой работы послужила исторія. Извѣстно, что онъ научно родился, такъ сказать, въ нѣдрахъ исторической школы и первый его крупный трудъ также историческій,—это знаменитый „Духъ римскаго права“. Но уже въ немъ Іерингъ недоволенъ теоріей исторической школы, какъ недостаточной для объясненія исторіи. Работая надъ исторіей права, онъ стремится объяснить и освѣтить ее иной теоріей, чѣмъ та, какая была дана Савиньи, Пухтой и др. Однако эта иная теорія права еще и имъ самимъ не была достаточно выработана. Ради нея онъ въ своей историче-

ской работѣ дѣлаетъ множество теоретическихъ отступленій, но, наконецъ, убѣждается, что нельзя дѣлать двухъ дѣлъ разомъ, бросаетъ свой „Духъ“ неоконченнымъ, и его мысль на многіе годы погружается въ теорію права. Въ результатѣ мы получили двѣ его работы: „Борьбу за право“ и „Цѣль въ правѣ“, поставившія теорію права (вмѣстѣ съ тѣмъ, что было высказано уже въ „Духѣ“) на такую высоту, выше которой она и до сихъ поръ ни на іоту не поднялась. — Намъ нѣтъ надобности подробно излагать здѣсь идеи Іеринга. Основы его ученія хорошо выражаются уже самыми заглавіями только что названныхъ его сочиненій, при чемъ всѣмъ извѣстно, что собственно движущей пружиной жизни права онъ считаетъ цѣль: „Zweck ist der Schöpfer des ganzen Rechts“, какъ онъ выразился въ motto на обложкѣ „Цѣли въ правѣ“.

Для насъ теперь гораздо важнѣе, и здѣсь уже возможно, сдѣлать общій выводъ изъ предыдущаго обзора движенія научной юридической мысли въ теченіе нынѣшняго столѣтія, и мы думаемъ, что этотъ выводъ не долженъ встрѣтить отрицанія ни съ какой стороны: ясно, что живымъ центромъ, продуктивнымъ ядромъ всего научнаго движенія въ юриспруденціи была и остается теорія права, а не исторія или догматика. А если мы спросимъ себя, въ чемъ же заключалась основная тенденція всѣхъ теоретическихъ построеній въ правѣ, то должны будемъ отвѣтить только такъ: въ стремленіи понять право не какъ мертвый текстъ опредѣленнаго логическаго содержанія, существующій и затѣмъ смѣняющійся другимъ, а какъ живое общественное явленіе, т.-е. въ стремленіи поставить и обработать теорію права соціологически. Починъ и первенство въ этомъ отношеніи безспорно принадлежатъ исторической школѣ: она правильно стала разсматривать право, какъ продуктъ общественной жизни, и ея основныя теоретическія представленія о народномъ духѣ и правовомъ

убѣжденіи, сколько бы мы ихъ ни упрекали съ другихъ сторонъ, все-таки навсегда останутся живыми общественными величинами, а не мертвыми понятіями. Но, правильно установивши закономѣрную связь между правомъ и продуцирующимъ его обществомъ, историческая школа не усматривала еще активной природы права: она думала, что право есть продуктъ общественной жизни и больше ничего, а между тѣмъ право играетъ активную роль въ общественной жизни — оно есть какъ бы организованная активность общества, превращающаяся въ оковахъ права изъ безсвязной и неопредѣленной въ связную и точно опредѣленную въ своемъ дѣйствіи. И безспорная заслуга Іеринга состоитъ въ томъ, что онъ раскрылъ передъ нами эту активную сторону права; въ его представленіи, право есть уже не что иное, какъ сама общественная энергія, направленная на обезпеченіе жизненныхъ условій общества и закономѣрно движущаяся черезъ діалектику потребности, интереса, цѣли. Рядомъ съ живыми общественными величинами, выдвинутыми исторической школой — народнымъ духомъ, правовымъ убѣжденіемъ — Іерингъ поставилъ другія живыя величины той же общественной природы: интересъ, борьбу, цѣль, вовсе не на замѣну первыхъ, а въ дополненіе къ нимъ,—и мы теперь имѣемъ весьма солидную соціологическую теорію права, если и не разработанную въ деталяхъ, то все же широко и правильно поставленную въ своихъ основахъ.

Но если такъ, то что же дальше? Сдѣлано ли уже все для соціологической разработки права, или еще нѣтъ? Конечно, даже самый рьяный поклонникъ Іеринга не дастъ на этотъ вопросъ утвердительнаго отвѣта. Іерингъ совершилъ въ области права колоссальную работу. Онъ работалъ здѣсь, какъ нашъ сказочный богатырь, первый земледѣлецъ, Микулушка Селяниновичъ; его сошка провела по нетронутому полю права такую

борозду, которая навсегда останется директивомъ всѣхъ будущихъ работъ въ этой области. Но совершить всего онъ, конечно, не могъ. Полная соціологическая обработка права явится только результатомъ совокупныхъ усилій многихъ и многихъ работниковъ. И тѣмъ не менѣе на очереди стоитъ теперь въ юриспруденціи все-таки не работа дальше, впередъ отъ Іеринга, а работа къ Іерингу. По крайней мѣрѣ, такова очередная работа для рядовыхъ участниковъ науки, не претендующихъ непремѣнно пополнить собою созвѣздіе первыхъ величинъ юриспруденціи.

Дѣло въ томъ, что духовный капиталъ, внесенный Іерингомъ въ науку, далеко еще не усвоенъ послѣдней въ той мѣрѣ, какъ это необходимо и неизбѣжно. Его основная теоретическая идея—о цѣли въ правѣ—остается все еще непонятой и чуждой большинству представителей науки. Несмотря на все внѣшнее преклоненіе передъ его геніемъ, Іерингъ и теперь, въ сущности, одинокъ въ наукѣ. Разительное этому доказательство представляетъ, напр., отзывъ такого авторитетнаго ученаго, какъ Постъ, объ его посмертной работѣ „Vorgeschichte der Indoeuropäer“. Въ своей рецензіи на это сочиненіе Постъ положительно пожимаетъ плечами передъ нимъ и иронически недоумѣваетъ, какъ смотрѣть на этотъ трудъ,—какъ на „Wissenschaft“ или „Dichtung“ [1]). А между тѣмъ этотъ трудъ есть только послѣднее звено въ цѣпи идей Іеринга; это только приложеніе къ исторіи основной теоретической его идеи о цѣли въ правѣ, о чемъ онъ самъ прямо заявляетъ въ этой книгѣ: „Es ist der Gesichtspunkt des Zweckes der seit Jahren *mein Leitstern* geworden ist, um *die gesellschaftliche Ordnung zu begreifen*“, читаемъ мы здѣсь, на стр. 379. Не правы ли мы будемъ послѣ этого,

---

[1]) Рецензія Поста была помѣщена въ „Centralblatt für Rechtswissenschaft“, 1894, October, № 157, S. S. 8—10.

если скажемъ, что „путеводная звѣзда“ Іеринга свѣтитъ далеко еще не всѣмъ въ юриспруденціи?

Такимъ образомъ нынѣшнее научное положеніе въ юриспруденціи опредѣляется тѣмъ фактомъ, что огромная продуктивная работа Іеринга все еще изображаетъ собою въ ней далеко выдвинувшійся впередъ авангардъ науки, за которымъ послѣдняя еще не подтянулась, да и не особенно склонна подтягиваться, все еще сомнѣваясь, туда ли слѣдуетъ двигаться... Мы думаемъ, что эти сомнѣнія надо оставить и двигаться туда, куда насъ ведетъ столь счастливо и геніально найденная путеводная звѣзда.

Іерингъ показалъ намъ, какъ надо работать надъ правомъ, чтобы перейти отъ безплодной юриспруденціи понятій къ настоящей реалистической юриспруденціи, обѣщающей возможность научно овладѣть явленіями права. И эту реалистическую работу надъ правомъ надо продолжать, надо вести ее по всѣмъ направленіямъ, проводить въ частностяхъ и деталяхъ. Отъ успѣховъ этой работы выиграетъ и исторія права, выиграетъ, несомнѣнно, и догматика. О необходимости соціологической теоріи права для объясненія исторіи я ужъ и не говорю — это ясно изъ всего предыдущаго изложенія, которое показываетъ, что теорія права родилась и выросла подъ давленіемъ потребностей исторіи, — но она необходима и для догматики, для правильнаго разумѣнія содержанія права, потому что смыслъ послѣдняго всецѣло зависитъ отъ того, что норма есть только соціальное средство для достиженія соціальныхъ цѣлей. И я радъ, что въ подтвержденіе послѣдняго могу сослаться не на теоретика, а прямо на комментатора закона, поставившаго своею единственною цѣлью облегчить желающимъ усвоеніе содержанія послѣдняго. „Für das richtige Geständniss eines Gesetzes sind zwei Momente von entscheidender Bedeutung. Es sind dies einerseits der wirthschaftliche und soziale Zweck, den

das Gesetz verfolgt, und andererseits die technisch juristischen Mittel, welche zur Erreichung des Zweckes angewandt werden. Diese beiden Momente möglichst klar zu legen, wird daher zu den wesentlichsten Aufgaben des vorliegenden Werkes gehören“ [1]). Это говоритъ *Planck* въ предисловіи къ своему комментарію новаго германскаго уложенія, намѣреваясь, такимъ образомъ, эксплоатировать точки зрѣнія Іеринга для цѣлей чистой догматики.

Окончательный выводъ, къ которому меня приводитъ предыдущее краткое и, конечно, весьма несовершенное изложеніе,—это тотъ, что важнѣйшей задачей для нынѣшней юриспруденціи является *соціологическая* разработка права, сперва вслѣдъ за Іерингомъ, а затѣмъ и впередъ отъ него — *durch Rudolph Ihering und über denselben hinaus!* Только она дастъ намъ возможность *научно овладѣть* явленіями права, а это улучшитъ наше положеніе по всей линіи юриспруденціи: не только въ теоріи права, но и въ его исторіи и догматикѣ.

И если конечное назначеніе науки состоитъ не столько въ теоретической истинѣ, сколько въ практическомъ добрѣ, если найденная упорнымъ трудомъ истина лучше всего окупаетъ себя примѣненіемъ къ улучшенію человѣческой жизни,—то, съ этой точки зрѣнія, соціологическое изученіе права—и лишь оно одно—обѣщаетъ намъ богатые плоды: оно дастъ намъ возможность разумно созидать право, научитъ насъ разрѣшать самую важную въ области права практическую задачу, — какимъ должно быть право. И если при господствѣ дог-

---

[1]) „Для правильнаго пониманія закона два момента имѣютъ рѣшительную важность. Это, съ одной стороны, хозяйственная и соціальная цѣль, которую преслѣдуетъ законъ, а, съ другой стороны, тѣ технически-юридическія средства, которыя примѣнены для достиженія этой цѣли. Представить, по возможности, ясно оба эти момента—это будетъ составлять существенную задачу настоящаго сочиненія“.

матики права идеаломъ юриста является, въ нѣкоторомъ родѣ, пушкинскій дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, спокойно зрящій на правыхъ и виновныхъ, знатокъ текстовъ и тонкій діалектикъ, всегда готовый разрѣшить на основаніи существующаго права самый запутанный юридическій казусъ,—то при соціологическомъ изученіи права предъ нами вырисовывается уже другой идеалъ юриста,—идеалъ, прекрасно указанный проф. Антономъ Менгеромъ. Это юристъ — третейскій судья въ борьбѣ общественныхъ классовъ, юристъ — творецъ права, юристъ—консультирующій обществу о томъ, каковымъ должно быть право, и выполняющій эту задачу, какъ безпристрастный ученый, съ полной независимостью сверху и снизу.

Теперь мнѣ остается только къ очерченному великому зданію соціологической юриспруденціи примкнуть свою маленькую постройку.

Преподавая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ гражданское судопроизводство и размышляя надъ этой частью юриспруденціи, я пытался примѣнить къ ней Іеринговскую точку зрѣнія цѣли, чтобы этимъ ключомъ отпереть многое запутанное, что имѣется въ теоріи процесса, и пришелъ къ выводу, что опредѣленіе задачи судотворенія, какъ защиты права, есть порожденіе той юриспруденціи понятій, Begriffs-jurisprudenz, которая плохо считается съ фактами. Истиной, реальной цѣлью, а, слѣдовательно, и функціей суда, какъ особаго учрежденія, надо считать не защиту, а распознаваніе права,—распознаваніе in concreto, въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, въ которыхъ оно должно было найти свое осуществленіе. Разъ ставши на эту точку зрѣнія, я скоро увидѣлъ, что распознаваніе права in concreto есть, во-1-хъ, чисто интеллектуальный процессъ, совершаемый вовсе не въ однихъ судахъ и потому допускающій и требующій независимаго отъ судебной обстановки изслѣдованія, а во-2-хъ, что распознаваніе права in concreto есть особая и въ

высшей степени важная фаза въ жизни права, — что это критическій этапъ на пути права отъ отвлеченной формулы къ его практическому осуществленію или воплощенію въ жизни. Послѣ этого мнѣ оставалось только приняться, по мѣрѣ своихъ силъ, за обработку темы, которую въ заглавіи своей книги я обозначилъ такъ: „Къ ученію объ осуществленіи права. Интеллектуальный процессъ, требующійся для осуществленія права“.



Творческія задачи въ современномъ гражданскомъ правѣ.

Мм. Гг.!

Считая пріятнымъ для себя долгомъ съ своей стороны, какъ представитель каѳедры гражданскаго права въ Харьковскомъ университетѣ, привѣтствовать нарожденіе нашего общества и пожелать ему энергичной и плодотворной дѣятельности, я хотѣлъ бы обратить ваше благосклонное вниманіе на одну черту въ нынѣшнемъ положеніи гражданскаго права, которая, какъ мнѣ кажется, дѣлаетъ *особенно* необходимымъ существованіе ученыхъ юридическихъ обществъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сулитъ имъ благотворную и полезную дѣятельность. Мои уважаемые предшественники уже указали на пользу и необходимость юридическаго общества съ различныхъ, притомъ весьма вѣскихъ точекъ зрѣнія,— теперь мнѣ, въ частности, хотѣлось бы остановить ваше вниманіе на томъ, какіе требованія и запросы выросли и предъявляются въ современномъ гражданскомъ правѣ, и показать, что для ихъ удовлетворенія также необходима именно дѣятельность юридическихъ обществъ.

Если бы мы захотѣли въ немногихъ словахъ характеризовать положеніе современнаго гражданскаго права, то должны были бы сказать: оно проникнуто стремленіемъ къ реформѣ, оно — на пути къ перемѣнамъ, оно

требуетъ большихъ творческихъ усилій. *Творчество*— вотъ слово, которымъ однимъ можно формулировать то, въ чемъ нуждается современное гражданское право.

Правда, путемъ творчества, а не какого-либо иного процесса возникло и все существующее гражданское право. Но, во-первыхъ, это творчество, по крайней мѣрѣ въ своей главной, основной массѣ, происходило очень давно, а во-вторыхъ, новое творчество, требующееся теперь въ гражданскомъ правѣ, должно считаться съ совсѣмъ иными задачами и осуществляться при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ нѣкогда происходившее старое творчество.

Никто не станетъ спорить противъ того, что въ основѣ современнаго гражданскаго права лежитъ римское право. Это же послѣднее есть плодъ весьма отдаленнаго отъ насъ творчества. Путемъ многовѣковаго историческаго процесса, начавшагося задолго до начала нашей эры, оно достигло своего полнаго — и матеріальнаго, и формальнаго—завершенія пятьсотъ лѣтъ спустя послѣ Р. Х. въ кодификаціи императора Юстиніана. Вотъ это давнее римское творчество создало міру огромную массу гражданскаго права, тонко развитого, детально выработаннаго, систематически построеннаго. Всѣми признано, что римскій народъ, съ его огромной волевой энергіей и съ его холоднымъ разсудкомъ, былъ особенно способенъ и пригоденъ къ созданію системы гражданскаго права, и онъ выполнилъ эту задачу съ такимъ совершенствомъ, которое, по справедливости, служитъ предметомъ удивленія и восхищенія. Но это римское правовое творчество совершилось, закончилось и—къ счастію—*сохранилось*, въ видѣ богатаго наслѣдства, для послѣдующихъ народовъ. Трудно сказать, какъ бы сложилось правовое развитіе новыхъ европейскихъ народовъ безъ этого наслѣдства, какихъ усилій стоили бы имъ муки рожденія собственнаго права и какого качества было бы это право, но они это наслѣд-

ство получили и этимъ надолго, на много вѣковъ впередъ, была безконечно облегчена ихъ правовая задача и былъ предустановленъ тотъ внутренній процессъ, которому предстояло заполнить ихъ правовую жизнь въ области гражданскаго права: на мѣсто собственнаго творчества стала рецепція, заимствованіе, усвоеніе и присвоеніе чужого права. Не вездѣ эта рецепція происходила, такъ сказать, съ одинаковой наглядностью и очевидностью, не вездѣ она была пріурочена прямо къ текстамъ Corpus juris civilis,—римское право заимствовали и косвенно: черезъ византійскіе сборники, черезъ кодексы, уже раньше воспріявшіе въ себя римскую основу, наконецъ, еще болѣе косвеннымъ путемъ вліянія доктрины и ученой разработки права,—но въ глубинѣ и въ существѣ правовой процессъ заключался все-таки не въ творчествѣ и изобрѣтеніи, а въ заимствованіи и прилаживаніи. Правда, источники національнаго юридическаго творчества нигдѣ не были совершенно изсушены и уничтожены рецепціей; они продолжали кое-гдѣ сочиться не очень обильными струями; правда и то, что на ряду съ реципированной римской основой, новые европейскіе народы самостоятельно выработали нѣкоторые институты, которыхъ не было въ римскомъ правѣ, т.-е. создали то, что именуютъ *новообразованіями* въ современномъ европейскомъ гражданскомъ правѣ; но всѣ эти новообразованія не такъ-то значительны и по своей массѣ, и по своей роли въ нынѣшнемъ правѣ: цѣлое зданіе современнаго гражданскаго права все еще остается римскимъ и по своему фундаменту, и по главной массѣ своего матеріала, и по основному стилю своей постройки.

Итакъ, мы все еще живемъ, въ области гражданскаго права, богатымъ римскимъ наслѣдствомъ, но мы имъ уже не довольны. Мы не только не считаемъ уже римскаго права за ratio scripta (писаный разумъ), какъ его нѣкогда называли,—не только усматриваемъ его част-

ные недостатки, не только стремимся внести въ него техническія улучшенія,—но мы начинаемъ сомнѣваться въ вѣчной незыблемости самыхъ его устоевъ, мы хотѣли бы передвинуть зданіе нашего гражданскаго права на иную, не римскую основу.

Всѣ эти новыя вѣянія и теченія съ особенной силой и ясностью сказались при выработкѣ новаго германскаго уложенія, нынѣ ставшаго уже дѣйствующимъ закономъ. Какъ извѣстно, первый проектъ этого уложенія, окрещенный насмѣшливой кличкой „маленькаго Виндшейда", представлялъ собою сколокъ съ римскаго права, и это возбудило въ Германіи всеобщее и рѣшительное осужденіе. Проектъ былъ подвергнутъ суровой критикѣ, и мало-помалу оппозиція проекту пришла къ двумъ лозунгамъ, одинаково отрицательнымъ для его „римскаго" характера: гражданскій кодексъ долженъ быть *національнымъ*, съ одной стороны, и *соціальнымъ*, съ другой — вотъ что говорили съ упрекомъ „маленькому Виндшейду" изъ разныхъ лагерей. Но что значитъ, чтобы гражданскій кодексъ былъ „національнымъ"? Это требованіе можетъ имѣть два совершенно различныхъ смысла: или этимъ хотятъ сказать, что гражданскій кодексъ долженъ быть плодомъ собственнаго, самостоятельнаго національнаго творческаго усилія, или этимъ требуютъ, чтобы гражданское право было наряжено въ разныя архаическія принадлежности старыхъ національныхъ учрежденій. Собственно, ни то, ни другое требованіе не подходитъ, какъ слѣдуетъ, къ гражданскому праву: второе—потому, что оно совершенно аналогично желанію облечь современныхъ джентльменовъ и дамъ въ какіе-нибудь старинные костюмы, а первое—потому, что гражданское право есть та область, гдѣ меньше всего можетъ быть мѣсто національной обособленности,— гдѣ, наоборотъ, царитъ универсальная всеобщность. Римское право потому и овладѣло міромъ, что оно было, по своему характеру, универсальнымъ, потому что

оно, хотя и образовалось въ предѣлахъ *одного* государства, но государства, охватившаго собою весь тогдашній міръ,—потому что въ основѣ его лежало *jus gentium*. То право, которое смѣнитъ собою у новыхъ народовъ право римское, будетъ, конечно, также правомъ универсальнымъ, да врядъ ли оно будетъ и плодомъ отдѣльнаго усилія какого-либо одного народа, будь это даже сами нѣмцы. Навѣрное можно сказать, что оно будетъ создано совмѣстной работой многихъ народовъ, въ которую каждый изъ нихъ будетъ вносить свою посильную лепту. Въ виду этого и желаніе создать „національное“ гражданское право надо признать, собственно, неосуществимой химерой. По крайней мѣрѣ нѣмцы, при всемъ желаніи, не создали себѣ „національнаго“ кодекса [1]).

---

[1]) Конечно, сами нѣмцы, особенно защитники кодекса, едва ли согласятся съ тѣмъ, что недавно созданное ими гражданское уложеніе не можетъ быть признано „національнымъ“, — однако для всякаго безпристрастнаго наблюдателя это совершенно ясно. Впрочемъ, къ моему удовольствію, я могу привести здѣсь, въ подтвержденіе правильности отрицанія за германскимъ уложеніемъ національнаго характера, выдержку изъ доклада одного изъ самыхъ горячихъ и самыхъ талантливыхъ защитниковъ уложенія,—выдержку, въ которой онъ *называетъ* германское уложеніе національнымъ, а *характеризуетъ* его такъ, что становится очевиднымъ совершенно обратное. Я разумѣю здѣсь докладъ *Зома* (какъ извѣстно, онъ былъ даже офиціальнымъ защитникомъ проекта нынѣшняго уложенія при обсужденіи его въ рейхстагѣ), сдѣланный имъ лѣтомъ 1900 г. въ Парижѣ на международномъ конгрессѣ сравнительнаго права, подъ заглавіемъ: „Le code civil français et le code civil allemand“. Сопоставляя между собою французскій и нѣмецкій кодексы, Зомъ говоритъ слѣдующее: „Французскій гражданскій кодексъ и нѣмецкій кодексъ одинаковы по самому своему существу (sont de la même essence). Оба выражаютъ жизнь и силу третьяго сословія. Оба являются памятниками вмѣстѣ и національному единству, и гражданской свободѣ. Оба будутъ жить до тѣхъ поръ, пока эти двѣ великихъ идеи будутъ сохранять свою власть надъ міромъ“ (р. 8). Не ясно ли, что „національная идея“ играетъ въ этой выдержкѣ роль простого украшенія, тогда какъ центръ тяжести покоится на „гражданской свободѣ“, въ чемъ, дѣйствительно, нѣмецкій кодексъ подобенъ французскому, только съ опозданіемъ на

Иначе обстоитъ дѣло съ требованіемъ, чтобы гражданскій кодексъ былъ „соціальнымъ“. Надъ нимъ, дѣйствительно, стоитъ призадуматься, и едва ли не оно должно быть признано указателемъ предстоящаго современному гражданскому праву дальнѣйшаго пути и цѣлью будущихъ творческихъ усилій въ этой области.

Въ самомъ дѣлѣ, почему мы недовольны системой римскаго гражданскаго права? Кажется, еще Гейне, со свойственнымъ ему остроуміемъ, назвалъ гдѣ-то римское право „библіей эгоизма“. И эта характеристика должна быть признана удивительно мѣткой. Система римскаго права вся насквозь проникнута если не прямо эгоизмомъ, то полнымъ *индивидуализмомъ*. Въ сферѣ имущественныхъ отношеній она даетъ индивидууму полный просторъ, освобождаетъ ее отъ всякихъ „союзныхъ“ путъ и оковъ и ограничиваетъ только такимъ же просторомъ и такой же свободой другихъ индиви-

---

цѣлое столѣтіе? Въ другомъ мѣстѣ этого же доклада Зомъ такъ характеризуетъ нѣмецкое уложеніе, уже не сопоставляя его съ французскимъ: „Нѣмецкое гражданское уложеніе, какъ и все въ наше время, носитъ на себѣ печать торговли и оборота. Интересъ оборота есть интересъ въ немъ господствующій. Этотъ интересъ оборота торжествуетъ въ немъ даже въ области семейнаго и наслѣдственнаго права. Третій добросовѣстный пріобрѣтатель—вотъ его главная фигура. Интересъ послѣдняго всегда разсматривается, какъ рѣшающій. Точка зрѣнія обезпеченности совершившихся добросовѣстныхъ соглашеній проведена и поставлена въ немъ съ удивительной техникой. Интересъ собственности отступаетъ передъ интересомъ оборота. Энергія, съ которой проведенъ этотъ принципъ, составляетъ характернѣйшую особенность германскаго уложенія. Духъ, проникающій собою это уложеніе, есть духъ бюргера, горожанина, купца. Германское гражданское уложеніе, по существу, содержитъ въ себѣ право городское, право буржуазное (droit urbain, droit bourgeois). Именно изъ права городовъ (du droit des villes) вытекло это нынѣшнее имперское право“ (р. 5). Развѣ эта мѣткая и прекрасная характеристика внутренняго существа германскаго уложенія, исходящая притомъ отъ столь авторитетнаго ученаго, не представляетъ собою прямого отрицанія его, будто бы, *національнаго* характера? Развѣ „оборотъ“—это *національное* понятіе? Развѣ „третій добросовѣстный пріобрѣтатель“, „буржуа“, „горожанинъ“—это *національныя* фигуры?

дуумовъ. Когда устраиваютъ поединокъ или состязаніе между нѣсколькими лицами, тогда имъ отводятъ свободную площадь и уравниваютъ ихъ во всѣхъ внѣшнихъ отношеніяхъ, чтобы поставить исходъ борьбы въ зависимость только отъ личныхъ силъ и способностей каждаго. Вотъ это именно и есть основной принципъ римскаго гражданскаго права въ сферѣ имущественнаго оборота: здѣсь каждый получаетъ свободное поле для проявленія своихъ силъ и способностей, здѣсь никто не имѣетъ правовыхъ преимуществъ передъ другими, здѣсь всѣ равны и свободны — и исходъ борьбы зависитъ только отъ личныхъ качествъ бойцовъ.

Не трудно видѣть, что такая система въ высокой степени благопріятна одному, — а именно проявленію и развитію личныхъ индивидуальныхъ силъ. Будучи свободной гражданской личностью, каждый здѣсь понимаетъ, что его благополучіе или несчастіе зависитъ только отъ него самого, отъ его личныхъ усилій, находчивости, умѣнья, выносливости, терпѣнія и пр. Съ другой стороны, всякій знаетъ, что то, что онъ своими силами отвоюетъ у природы или у другихъ бойцовъ, то за нимъ право закрѣпить прочно и незыблемо, ибо это право допускаетъ полное присвоеніе во власть лица всѣхъ имущественныхъ объектовъ (институтъ частной собственности) и полную свободу взаимныхъ соглашеній (свобода договора). Эта система благопріятствуетъ развитію силъ и способностей личности больше, чѣмъ всякая другая,—и въ этомъ не только ея историческое оправданіе, но и ея историческая необходимость; безъ предварительной школы этого крайняго индивидуализма силы личности не достигли бы такого высокаго напряженія и расцвѣта, не выковались бы такъ, какъ это можно наблюдать въ древнемъ римлянинѣ или въ современномъ американцѣ, или англичанинѣ.

Но если эта система такъ благопріятна формированію и выработкѣ личности, то какъ она должна отзываться

въ экономической области, каково ея вліяніе на силы и формы экономическаго быта?

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что она особенно благопріятна энергіи производства и накопленію богатствъ. Свободная личность, предоставленная своимъ собственнымъ силамъ и уравненная въ правовомъ отношеніи съ другими личностями, развиваетъ на экономическомъ полѣ maximum дѣятельности, чтобы достигнуть maximum'а благополучія. Экономическая борьба всѣхъ подстегиваетъ и разыгравшійся въ этой борьбѣ личный эгоизмъ не находитъ предѣла своимъ желаніямъ,—чѣмъ больше здѣсь пріобрѣтаютъ, тѣмъ больше хотятъ, здѣсь поистинѣ l'appetit vient en mangeant...

Но и это вліяніе индивидуализма уже не на личность, а на экономическій бытъ также должно быть признано провизорно благодѣтельнымъ и совершенно необходимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того чтобы обезпечить матеріальное благополучіе все возрастающему человѣчеству, надо прежде всего накопить извѣстную массу богатствъ и развить достаточную энергію производства,—только послѣ этого можно съ пользою поставить проблему справедливаго распредѣленія.

Таковы основныя тенденціи системы полнаго индивидуализма, воплощенной въ римскомъ правѣ. Теперь представимъ себѣ, что должно получиться послѣ того, какъ эта система дѣйствовала достаточно долго; это тѣмъ менѣе трудно, что результаты продолжительнаго дѣйствія этой системы можно прямо наблюдать въ современной Европѣ и Америкѣ. Силы личности не только мобилизованы и развернуты, но даже до крайности напряжены; экономическая борьба ведется если не съ полной безпощадностью, то все же съ достаточнымъ пренебреженіемъ интересовъ другихъ; въ этой борьбѣ всѣ шансы пущены въ ходъ, и исходъ ея въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ сложнаго соотноше-

нія обстоятельствъ, гдѣ тонко учтенъ каждый факторъ, взвѣшено каждое вліяніе. Но силы и способности отдѣльныхъ личностей не равны и не могутъ быть равны, такъ же какъ и энергія отдѣльныхъ народовъ, взаимно соперничающихъ между собою на международномъ экономическомъ поприщѣ. И вотъ мы видимъ одно и то же явленіе какъ внутри современныхъ обществъ, такъ и въ международной сферѣ: преобладаніе болѣе сильныхъ надъ болѣе слабыми и стремленіе довести это преобладаніе до крайнихъ возможныхъ предѣловъ. Внутри обществъ болѣе сильные не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы обречь массы на совершенно зависимое экономическое существованіе, а въ международной сферѣ болѣе энергичные народы совершенно открыто стремятся къ экономическому захвату лучшихъ производительныхъ силъ земного шара и къ экономическому порабощенію не только низшихъ, но и вовсе не низшихъ народовъ. Конецъ прошлаго вѣка узрѣлъ уже открыто провозглашенную теорію англо-саксонскаго владычества надъ міромъ, да и теперь мы, кажется, не далеки отъ проектовъ раздѣла этого господства между англо-саксами и нѣмцами съ подчиненіемъ имъ всѣхъ остальныхъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ силами и энергіей личности; что касается экономическихъ результатовъ ея свободной дѣятельности, то они выражаются въ огромномъ накопленіи богатствъ, въ весьма напряженномъ и обширномъ производствѣ и — въ крайне неудовлетворительномъ распредѣленіи, гдѣ трудно мириться съ обоими крайними полюсами, — съ одной стороны съ безмѣрнымъ сосредоточеніемъ благъ въ однѣхъ рукахъ, а съ другой — съ полнымъ ихъ отсутствіемъ; съ одной стороны, съ безумiемъ милліардерства, а съ другой — съ бѣдствіемъ полнаго пауперизма, возвращающаго его несчастныхъ представителей на степень дикарей въ современномъ цивилизованномъ обществѣ...

Послѣ всего сказаннаго не будемъ ли мы въ правѣ придти къ выводу, что система индивидуализма, воплощенная въ римскомъ гражданскомъ правѣ, реципированномъ и новыми народами, уже въ полной мѣрѣ дала свои хорошіе результаты—развитіе силъ личности и накопленіе матеріальныхъ благъ—и начинаетъ все болѣе и болѣе обнаруживать свои дурныя стороны—эгоистическое торжество сильнаго надъ слабымъ и крайне неравномѣрное распредѣленіе богатствъ? Продолжать идти все въ ту же сторону, не значило ли бы это придти, съ одной стороны, къ ницшеанскому Uebermensch'у, не встрѣчающему никакихъ экономическихъ препятствій къ удовлетворенію малѣйшихъ поползновеній своей прихотливой и капризной натуры, а съ другой—къ массѣ „низшихъ“ натуръ, обреченныхъ на роль живого придатка къ сложнымъ машинамъ и механизмамъ и предназначенныхъ почти къ животному существованію? Правда, нѣкоторыхъ почему-то болѣзненно увлекаетъ этотъ уродливый общественный идеалъ, но большинство здоровыхъ и здравыхъ людей, конечно, не могутъ ему сочувствовать и начинаютъ чувствовать и сознавать, что надо уменьшить просторъ, отведенный индивидуализму, что пришла пора не только ставить на его путяхъ турникеты и загородки, но и подумать о замѣнѣ его, даже и въ области гражданскаго права, общественнымъ началомъ... Вотъ это и есть истинный смыслъ ярко выступившихъ при новѣйшихъ кодификаціяхъ стремленій устранить „римскую“ основу гражданскаго права и сдѣлать его болѣе *соціальнымъ*. „Защита слабыхъ, покровительство обездоленнымъ и не владѣющимъ“ — вотъ требованія, которыя со многихъ сторонъ были предъявлены послѣдней германской кодификаціи, и эти же требованія высказаны и у насъ нашей русской кодификаціонной комиссіей. „Законъ прежде всего долженъ быть *справедливымъ*,—читаемъ мы въ „объяснительной запискѣ“ къ проекту пятой

книги уложенія, исходящей отъ нашей русской редакціонной комиссіи. — Ограждая равноправность сторонъ въ обязательственныхъ отношеніяхъ, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ оградить интересы всѣхъ слабыхъ, безпомощныхъ,—словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто по своему личному или имущественному положенію нуждается въ особенной защитѣ закона, не будучи въ состояніи съ достаточной энергіей отстаивать свои права".

Такимъ образомъ на нашихъ глазахъ преломляются основныя задачи гражданскаго права; послѣднее переживаетъ моментъ, какого оно еще не переживало въ теченіе всей новой европейской исторіи. До сихъ поръ европейское гражданское право стремилось къ „высвобожденію" личности отъ разныхъ феодальныхъ и иныхъ старинныхъ путъ и оковъ; лучшимъ помощникомъ ему въ этомъ было римское право, которое поэтому жадно впитывалось во всѣ европейскіе кодексы. Но теперь эта задача закончена — во Франціи, наприм., еще въ началѣ вѣка съ изданіемъ Code Napoléon—личность высвобождена, энергія ея развернута, и предъ нами выросла теперь другая задача—направить эту энергію въ общественное русло, согласовать интересы частные съ интересомъ общественнымъ.

Задача огромной важности, но и величайшей трудности! Можно сказать, что только немногіе умы взвѣшиваютъ и усматриваютъ въ настоящее время всѣ трудности этой задачи. Излюбленный и легчайшій путь, которымъ обыкновенно идетъ человѣческое мышленіе—это мышленіе по противоположности. Когда начинаютъ сознавать неудовлетворительность или нежелательность какого-либо явленія, тогда задачу о томъ, что же нужно и желательно, разрѣшаютъ весьма простымъ способомъ: объявляютъ нужнымъ и желательнымъ какъ разъ противоположное. Но—увы!—этимъ обнаруживаютъ и minimum творчества, и minimum благоразумія. Что-нибудь стоитъ не такъ, ну, значитъ, надо его поста-

вить вверхъ ногами—вотъ способъ мышленія, съ которымъ постоянно приходится бороться, въ особенности общественному философу. Этотъ способъ дѣлаетъ легкой всякую задачу, но—увы!—только до тѣхъ поръ, пока воздерживаются отъ ея практическаго осуществленія, а какъ только приступаютъ къ послѣднему, дѣйствительность даетъ жестокіе уроки.

Можно и въ отрицаніе индивидуализму римскаго права выставить начало, какъ разъ ему противоположное, и настаивать прямо на осуществленіи этого начала, какъ это и дѣлали представители такъ называемаго утопическаго соціализма. Но едва ли это рѣшеніе, будучи самымъ легкимъ, въ то же время можетъ быть признано и самымъ лучшимъ, по крайней мѣрѣ съ практической точки зрѣнія. Пока дѣло идетъ о чистой теоріи, можно одно начало противопоставлять другому, можно на одно изъ нихъ нападать, другое защищать—и чѣмъ рѣзче ставятся здѣсь тезисы, тѣмъ это, можетъ быть, лучше для выясненія истины,—но къ практическому воздѣйствію на жизнь надо приступать съ величайшей осторожностью. Рецептомъ такого воздѣйствія можетъ быть не отвлеченное начало, а только творчески найденный компромиссъ отвлеченныхъ началъ съ жизненными силами,— компромиссъ, который не упускалъ бы ничего практически достижимаго, и въ то же время не переходилъ бы предѣловъ этого достижимаго. Рецептъ практическаго воздѣйствія на жизнь долженъ быть подобенъ прицѣлу орудія, разсчитанному на всю его дальнобойность, но все еще безусловно мѣткому! А вѣдь всякое слово закона предназначено не выражать отвлеченную идею, а именно попадать въ цѣль, практически воздѣйствовать на жизнь, поэтому законъ долженъ быть построенъ такъ, чтобы онъ во взаимодѣйствіи съ жизненными силами давалъ *наилучшіе изъ возможныхъ* результаты.

Сразу и совершенно изгнать изъ современнаго гра-

жданскаго права начало индивидуализма и поставить на его мѣсто начало общественное — это вещь практически невозможная и нежелательная не только теперь, но и, вѣроятно, еще въ теченіе долгаго будущаго. Нежелательная—потому, что энергія личности, а вмѣстѣ съ ней и энергія производства и накопленія матеріальныхъ благъ все еще тѣсно связаны именно съ индивидуализмомъ, такъ что устраненіе его въ корнѣ подсѣкло бы то, что во всякомъ случаѣ надо сохранить. Невозможная — потому что индивидуализмъ крѣпокъ еще не только въ законѣ, но и въ характерѣ людей, а оттуда его нельзя вычеркнуть однимъ почеркомъ пера, если онъ и здѣсь замѣнится нѣкогда — можетъ быть, вполнѣ — началомъ общественнымъ, то это произойдетъ лишь въ силу изумительной творческой силы природы и путемъ долгой исторической эволюціи.

Но если нельзя индивидуализмъ совсѣмъ изгнать изъ гражданскаго права, то нельзя его тамъ и оставлять полнымъ хозяиномъ, какъ это было въ римскомъ правѣ. Здѣсь безусловно требуется поворотъ въ сторону общественнаго начала, а слѣдовательно требуются усилія, которыя дали бы намъ такія формулы закона, которыя двигали бы насъ въ желаемую сторону не слишкомъ поспѣшно, но и *не слишкомъ медленно*. Въ этой новой творческой дѣятельности римское право намъ уже не помощникъ ни въ своемъ готовомъ видѣ, потому что все, что въ немъ было для насъ пригодно, уже давно реципировано,—ни въ процессѣ своего собственнаго творчества, потому что послѣднее шло въ сторону индивидуализма, а наше теперешнее творчество должно перемѣнить этотъ курсъ и взять въ сторону отъ индивидуализма.

Итакъ, передъ современнымъ гражданскимъ правомъ стоитъ творческая задача, которую надо выполнить совершенно самостоятельными усиліями; задача, которая была бы безконечно болѣе легкой, если бы ее можно

было разрѣшить простой теоретической замѣной одного начала другимъ; задача, которая состоитъ въ томъ, чтобы слѣдовать за совершающимся историческимъ процессомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и помогать его правильному ходу сознательными усиліями; задача въ высшей степени трудная, потому что ей приходится считаться съ наиболѣе глубокими слоями человѣческой психики и общественной жизни, —такъ сказать, съ ихъ нижними теченіями...

Спрашивается, кто же разрѣшитъ эту задачу? На кого должно лечь это тяжелое и отвѣтственное бремя? Бывшій ректоръ вѣнскаго университета, профессоръ по каѳедрѣ гражданскаго права и судопроизводства, лучшій представитель и горячій проповѣдникъ соціальнаго направленія въ юриспруденціи—Антонъ Менгеръ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: это бремя ложится на *юристовъ*. Правда, воспитанные главнымъ образомъ на римскомъ правѣ, они еще мало подготовлены къ этой задачѣ, въ сущности, почти еще за нее не принимались, а иные — далеки и отъ сознанія самой задачи; правда, что за разрѣшеніе этой задачи гораздо раньше юристовъ взялись экономисты и выставили не мало формулъ для желательной, по ихъ мнѣнію, регламентаціи экономическаго быта. Но критика этихъ экономическихъ формулъ, такъ сказать, съ юридической точки зрѣнія, критика, надъ которой не мало и съ успѣхомъ потрудился проф. Антонъ Менгеръ, показываетъ, что экономисты слишкомъ односторонни для законодательствованія, что имъ недостаетъ весьма важнаго для этой роли свойства, а именно—сознанія инерціи и сопротивленія дѣйствительности законодательнымъ формуламъ, т.-е. недостаетъ того, что можетъ стать спеціальной добродѣтелью юристовъ, если они захотятъ, не ограничиваясь знаніемъ текстовъ закона, вникать и въ механизмъ ихъ соціальнаго дѣйствія, если они присоединятъ къ своему юридическому

образованію еще и основательное соціологическое... Проф. Антонъ Менгеръ полагаетъ, что если юристы окажутся на высотѣ призванія, выдвигаемаго теперь для нихъ временемъ, то на ихъ долю выпадетъ самая почетная и вліятельная роль въ современномъ обществѣ.

Вотъ какъ выражается онъ по этому поводу въ своей рѣчи „О соціальныхъ задачахъ юриспруденціи“: „Если бы юристы выполняли эту творческую работу въ правѣ съ полной независимостью сверху и снизу, то на ихъ долю въ будущемъ, несомнѣнно, досталась бы роль *третейскихъ судей* въ борьбѣ между различными классами гражданскаго общества [1]).

Но если все это такъ, если правда, что на насъ, мм. гг., на *юристовъ*, падаетъ нынѣ задача, не ограничиваясь однимъ примѣненіемъ существующаго права, обнаружить высшія творческія способности и отыскать тѣ формулы, которыя, будучи превращены въ законъ, двигали бы гражданское право въ сторону общественнаго начала со всей поспѣшностью, какая требуется положеніемъ дѣла, но и безъ той торопливости, которая такъ часто портитъ все дѣло и заставляетъ начинать его съ начала,—то гдѣ же мы лучше можемъ выполнить эту задачу, какъ не въ собраніяхъ, подобныхъ настоящему, въ этомъ взаимномъ общеніи юристовъ всѣхъ призваній какъ между собою, такъ и съ представителями другихъ областей общественнаго знанія и общественнаго управленія? Работая на разныхъ поприщахъ, соприкасаясь съ различными областями общественной жизни, мы накопляемъ, каждый въ предѣлахъ своего призванія, богатый опытъ, который на одномъ концѣ содержитъ наблюденные и посильно объясненные каждымъ изъ насъ факты, а на другомъ—слагающіеся у каждаго изъ насъ выводы о томъ, что должно

---

[1]) „Соціальныя задачи юриспруденціи“, Харьковъ, 1896 г., стр. 12.

быть, какъ слѣдуетъ направлять общественную жизнь къ лучшему будущему. Гдѣ же лучше, какъ не подъ кровомъ юридическаго общества, привести во взаимодѣйствіе духовныя достоянія каждаго изъ насъ, чтобы изъ нихъ блеснула драгоцѣнная творческая мысль, способная повести насъ къ лучшему будущему? Подъ этимъ кровомъ мы свободны отъ текущихъ и односторонних ежедневныхъ заботъ каждаго изъ насъ; здѣсь своя особая атмосфера, отличная отъ той, въ которой каждый изъ насъ проводитъ свой будничный день; вступая сюда, мы какъ бы попадаемъ въ поле дѣйствія сильнаго магнита, одинъ полюсъ котораго обращенъ въ сторону истины, а другой — въ сторону общественнаго блага. Здѣсь мы и связаны отвѣтственностью передъ истиной и общественнымъ благомъ, и независимы отъ текущихъ давленій и вліяній разнаго рода. Наконецъ, здѣсь мы въ общеніи другъ съ другомъ и взаимной поддержкой, такъ же какъ и взаимной критикой, можемъ удержать наше дѣло на высотѣ подобающей ему отвѣтственности и подобающей ему независимости. Позволѣте же пожелать, дорогіе товарищи, чтобы наше общество съ честью потрудилось не только на поприщѣ изученія, истолкованія и примѣненія права, но и на поприщѣ его реформы, способной повести насъ къ лучшему будущему.

Къ теоріи власти.

Существуетъ совершенно неправильное воззрѣніе, будто бы существо власти сводится просто къ физической силѣ, что власть — это штыкъ, палка, пуля; что будто бы кто палку взялъ, тотъ и капралъ. Это воззрѣніе совершенно неправильно уже потому, что власть штыка или пули простирается не далѣе разстоянія ихъ удара, да и то не всегда; кто предпочитаетъ скорѣе умереть, чѣмъ повиноваться, того пуля или штыкъ могутъ убить или ранить, но совершенно безсильны имѣть надъ тѣмъ дѣйствительную власть.—Власть—меньше всего тождественна съ физической силой; власть—есть фактъ психическій, и она существуетъ только тамъ, гдѣ есть повиновеніе; власть и повиновеніе—суть понятія соотносительныя и болѣе важнымъ изъ нихъ является скорѣе повиновеніе, чѣмъ власть; гдѣ есть повиновеніе, тамъ, конечно, существуетъ и власть,—но гдѣ есть власть, тамъ само собою вовсе еще не разумѣется существованіе повиновенія,—возможно, что оно существуетъ, а возможно, что и нѣтъ.

Итакъ, съ соціологической точки зрѣнія, основнымъ понятіемъ въ теоріи власти является повиновеніе, а власть—есть понятіе съ нимъ хотя и соотносительное, но зависимое, производное. Истину эту до извѣстной степени чувствуетъ даже то ходячее воззрѣніе, которое готово отождествить понятіе власти съ понятіемъ физической силы.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы заставимъ приверженцевъ этого воззрѣнія уяснить намъ подробнѣе, въ чемъ же, собственно, дѣло, то они скажутъ намъ: дѣло заключается въ томъ, что тотъ, кто имѣетъ въ своихъ рукахъ палку, штыкъ или пулю, тотъ можетъ угрожать ими другимъ, а угроза вызываетъ страхъ, а страхъ заставляетъ повиноваться. Итакъ, вотъ какова цѣпь разсужденія поклонниковъ физической силы: она равносильна власти, потому что съ помощью страха даетъ повиновеніе; физическая сила есть, значитъ, средство для достиженія повиновенія, а достигнутое повиновеніе даетъ власть.

И вотъ это сочетаніе, первый членъ котораго составляетъ физическая сила, а послѣдній—власть,—сочетаніе, между конечными членами котораго вмѣщается страхъ и повиновеніе,—это сочетаніе и является формулой ходячей политической мудрости. Весьма многіе—и изъ числа властвующихъ, и изъ числа подвластныхъ—вѣруютъ въ нее, какъ въ катехизисъ, считаютъ ее политическимъ догматомъ или политическимъ закономъ, его же не прейдеши, думаютъ, что корень и источникъ всякой власти заключается единственно въ физической силѣ, или по крайней мѣрѣ, что всякая физическая сила обезпечиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и власть...

И однако эта формула власти, несмотря на всю ея распространенность, совершенно невѣрна; она такъ же невѣрна, какъ и та мнимая истина, за отрицаніе которой судили Галилея: будто земля стоитъ неподвижно, а движется вокругъ нея солнце. Какъ это ни казалось когда-то очевиднымъ, тѣмъ не менѣе оказалось невѣрнымъ; то, что считали непреложной истиной, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи оказалось не болѣе, какъ ошибкой,—ошибкой, правда, извинительной и даже для тѣхъ, кто ее дѣлалъ, пожалуй, неизбѣжной, но все же ошибкой. Такой же ошибкой, можетъ быть, извинительной и даже для впадающихъ въ нее неизбѣжной,

является и утвержденіе, что власть истекаетъ изъ физической силы.

Дѣйствительно, обратимся къ болѣе тщательному изслѣдованію указанныхъ соціальныхъ феноменовъ— власти, страха, повиновенія.

Нельзя не признать, что однимъ изъ источниковъ повиновенія, дѣйствительно, является и страхъ,— однако вовсе не у всѣхъ одинаково и не во всемъ. У одного и того же человѣка угрозой, насиліемъ, страхомъ можно вынудить одно и не вынудить другого. Въ этомъ отношеніи въ сердцѣ даже самаго робкаго человѣка есть разграничительная черта, по одну сторону которой лежитъ покорное повиновеніе, а по другую—начинается уже строптивость и бунтъ. Но, конечно, у разныхъ людей эта разграничительная черта проведена различно, почему они и раздѣляются на робкихъ и смѣлыхъ, трусливыхъ и мужественныхъ. И подобно отдѣльнымъ людямъ, также и цѣлые народы могутъ имѣть болѣе рабскую или болѣе свободную натуру. Очевидно, что въ соотвѣтствіи съ этимъ и описанная выше теорія власти должна имѣть различное приложеніе у тѣхъ и другихъ. Само собой разумѣется, что чѣмъ болѣе рабскую и трусливую душу имѣетъ народъ, тѣмъ болѣе благодарную почву будетъ представлять онъ для власти, основанной на страхѣ. Народъ же свободолюбивый, гордый, любящій свою индивидуальность, проникнутый чувствомъ собственнаго достоинства никогда не будетъ пригоднымъ объектомъ для культуры повиновенія, основаннаго на чистомъ страхѣ; такой народъ или сброситъ иго чуждой ему физической силы, или предпочтетъ смерть позору подневольнаго существованія.

Итакъ, мы должны прежде всего ограничить разбираемую теорію съ той стороны, гдѣ она считаетъ себя наиболѣе сильной: со стороны страха, внушаемаго физической силой. Во всякомъ случаѣ надо признать, что далеко не все и далеко не у всякаго можетъ быть вы-

нуждено страхомъ и физической силой. Есть несомнѣнный предѣлъ дѣйствію страха, и у народовъ свободолюбивыхъ, мужественныхъ, жизнеспособныхъ — этотъ предѣлъ лежитъ вовсе не такъ далеко.

Однако еще болѣе важное ограниченіе въ приведенную формулу власти мы должны внести съ другой стороны. Вѣдь повиновеніе, которое есть несомнѣнная основа и подкладка власти, вовсе не всегда вытекаетъ изъ страха, а потому оно можетъ не имѣть рѣшительно никакого отношенія къ физической силѣ. Повиновеніе можетъ вытекать изъ гораздо болѣе благороднаго, чѣмъ страхъ, источника, а именно изъ прямого и чистаго довѣрія къ чьему-либо руководству, изъ сознанія и увѣренности въ томъ, что чье-либо руководство или совершенно безкорыстно, или во всякомъ случаѣ благожелательно и полезно для самого руководимаго. Въ этихъ случаяхъ психологическая цѣпь, приводящая къ повиновенію, начинается не съ физической силы, а съ какихъ-либо особенныхъ качествъ руководителя, которыя возбуждаютъ охоту добровольно имъ повиноваться, которыя ведутъ къ тому, что въ лицѣ руководителя для тѣхъ, кто ему добровольно повинуется, создается авторитетъ, престижъ, обаяніе. Авторитетъ этотъ можетъ быть разнаго качества, онъ можетъ ограничиваться въ своемъ дѣйствіи только той или иной сферой, но во всякомъ случаѣ понятія авторитета и физической силы не только между собою не совпадаютъ, но, можно сказать, что именно въ понятіи (begrifflich — какъ выражаются нѣмцы) они не имѣютъ между собою ничего общаго.

Авторитетъ и физическая сила—въ понятіи,—наоборотъ другъ друга исключаютъ; физическая сила, сама по себѣ и какъ таковая, не имѣетъ никакого авторитета и, наоборотъ, колоссальный авторитетъ можетъ вмѣщаться въ величайшей физической немощности.

Итакъ, очевидно, что если даже признать, что обладаніе физической силой можетъ вести къ власти, то во

всякомъ случаѣ физическая сила имѣетъ въ этомъ отношеніи себѣ несомнѣннаго конкурента въ лицѣ авторитета. Но если такъ, то является невольный и чрезвычайно важный вопросъ: какое изъ двухъ повиновеній играетъ въ соціальной жизни большую и болѣе важную роль,—то ли, которое основывается на страхѣ и на физической силѣ, или то, которое основывается на довѣріи и авторитетѣ? Конечно, никто въ этой области не производилъ точныхъ измѣреній или правильной статистики, поэтому и отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть безспорнымъ, тѣмъ болѣе, что положеніе дѣла въ этомъ отношеніи въ разныхъ обществахъ различно. Но если мы возьмемъ современныя культурныя общества съ ихъ сложно развитой и разнообразной жизнью; если мы вспомнимъ, какъ часто въ этихъ обществахъ однимъ приходится въ своемъ поведеніи слѣдовать указаніямъ другихъ; если мы вспомнимъ, какая масса повиновенія и притомъ точнаго и охотнаго требуется въ нихъ для правильнаго хода какъ ихъ техническихъ, экономическихъ, такъ и разнообразныхъ общественныхъ процессовъ,—то, мнѣ кажется, мы должны будемъ скорѣе признать то, что главная масса практикующагося въ нихъ повиновенія основана на авторитетѣ, чѣмъ то, что она основана на физической силѣ. Во всякомъ случаѣ если бы мы затруднились въ такомъ признаніи по отношенію къ какому-нибудь опредѣленному конкретному обществу или государству, то все же мы должны были бы признать, что прогрессивное общественное развитіе, несомнѣнно, ведетъ къ преобладанію добровольнаго повиновенія надъ подневольнымъ и что всякій исторически-жизнеспособный народъ долженъ передвигаться отъ господства въ немъ типа подневольнаго дѣйствія къ господству типа дѣйствія добровольнаго.

Послѣднее вытекаетъ изъ соображеній двоякаго порядка:

1. Дѣйствіе подневольное — грубо, неэластично, лѣниво, ненадежно. Поэтому оно можетъ съ успѣхомъ входить въ составъ какой-нибудь несложной и примитивной системы дѣйствій, не требующей тонкаго приспособленія къ обстановкѣ и точнаго согласованія отдѣльныхъ частей между собою. Разъ же общественная жизнь въ какихъ бы то ни было областяхъ начинаетъ требовать сложныхъ и искусныхъ предпріятій, то подневольное дѣйствіе оказывается для нихъ крайне непригоднымъ матеріаломъ,—оно становится тормазомъ къ ихъ надлежащему осуществленію и притомъ въ такой степени, что народъ или оказывается не въ состояніи перейти къ болѣе сложнымъ и тонкимъ предпріятіямъ, застывая на примитивныхъ ступеняхъ культуры, или начинаетъ неудержимо передвигаться къ свободному и самостоятельному типу. Я не буду развивать болѣе подробно этой мысли; замѣчу только, что экономисты неопровержимо установили, что именно эта причина, съ усложненіемъ экономическаго быта, передвинула населеніе отъ рабства къ крѣпостничеству и затѣмъ отъ крѣпостничества—къ свободному труду. Позволю себѣ также высказать убѣжденіе, что и современная война требуетъ свободнаго, а не подневольнаго дѣйствія и что поэтому нашей крайней невыгодой по сравненію съ японцами является какъ преобладаніе въ самой организаціи нашей арміи скорѣе дѣйствія по приказу, чѣмъ по собственной иниціативѣ, такъ и тотъ фактъ, что японцами эта война ведется съ гораздо большей охотой и воодушевленіемъ, чѣмъ нами.

2. Нравственное развитіе личности ведетъ къ тому, что дѣйствіе подневольное становится ей непріятнымъ, тягостнымъ или даже вызываетъ реакцію противъ себя. Нравственно развитая личность болѣе способна къ повиновенію и можетъ дать гораздо большую его массу, чѣмъ личность нравственно неразвитая, но только при одномъ условіи: если отъ нея требуютъ повиновенія

„не за страхъ, а за совѣсть“. Такимъ образомъ повышеніе нравственнаго уровня личности вовсе не находится въ антагонизмѣ съ задачами повиновенія, а слѣдовательно и съ задачами власти,—наоборотъ, оно имъ вполнѣ благопріятствуетъ,—но это повиновеніе съ повышеніемъ нравственнаго развитія, несомнѣнно, должно себѣ въ основу получать не угрозу физической силой, а дѣйствіе авторитетомъ.

Между тѣмъ никто не станетъ отрицать того, что съ повышеніемъ нравственнаго развитія индивидуумовъ тѣсно связанъ и прогрессъ общественный. Общество, основанное на страхѣ, можетъ состоять только изъ мало развитыхъ въ нравственномъ отношеніи личностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно, пока оно остается таковымъ, не можетъ достигнуть и высшаго культурнаго развитія.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что по крайней мѣрѣ въ обществахъ прогрессивнаго типа повиновеніе добровольное должно преобладать надъ повиновеніемъ подневольнымъ и что самый общественный прогрессъ тѣсно связанъ съ переходомъ отъ типа, основаннаго „на страхѣ“, къ типу, основанному „на совѣсти“.

Теперь послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы должны перейти къ разсмотрѣнію того особаго вида власти, который именуется въ обществахъ правительствомъ. Правительство есть высшая или верховная власть, стоящая въ обществѣ надъ всѣми остальными; это—та власть, къ которой сходятся всѣ каналы повиновенія и отъ которой въ послѣднемъ счетѣ исходятъ всѣ соціальныя велѣнія, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ ихъ санкціи и признанія. Верховная власть—едина и она высится надъ цѣлымъ общежитіемъ, объемля своимъ дѣйствіемъ (дѣйствительно, или въ возможности) всѣ его стороны. Правительство—у всякаго народа есть сложное историческое образованіе, которое принимаетъ тотъ или иной конкретный видъ, но всегда играетъ роль высшаго соціальнаго регулятора общественной жизни, и если под-

кладкой и основаніемъ всякой власти должно служить повиновеніе, то тѣмъ болѣе это необходимо по отношенію къ правительству, дабы оно могло выполнять свою соціальную функцію.

Но если такъ, то спрашивается: какое повиновеніе требуется правительству? или иначе: чѣмъ оно достигаетъ требующагося ему повиновенія—угрозами находящейся въ его рукахъ физической силой, или дѣйствіемъ своего авторитета?

Надо признаться, что этотъ именно вопросъ и является пунктомъ наибольшаго соблазна для тѣхъ, которые готовы отождествлять власть съ физической силой: именно по отношенію къ правительству это отождествленіе и кажется имъ наиболѣе правильнымъ; характеръ власти правительства какъ разъ и представляется имъ подтверждающимъ всю ихъ теорію, ибо они думаютъ, что сила правительства покоится не на его соціальномъ авторитетѣ, а на его матеріальныхъ средствахъ и военномъ могуществѣ. Слѣдуетъ сказать даже больше: ходячее представленіе о власти и могуществѣ правительства является источникомъ самой теоріи о тождествѣ власти съ физической силой,—и поэтому если можно показать невѣрность этой теоріи на этомъ пунктѣ, то она уже нигдѣ не найдетъ для себя точки опоры,—она тогда падетъ сама собою. Итакъ, спросимъ еще разъ: чѣмъ же поддерживается власть правительства—физической силой, угрозами и страхомъ, или авторитетомъ, довѣріемъ и добровольной готовностью повиноваться?

Правильный отвѣтъ будетъ таковъ: и тѣмъ, и другимъ, — но у культурныхъ народовъ, состоящихъ изъ нравственно-развитыхъ личностей, неизмѣримо больше вторымъ, чѣмъ первымъ; настолько больше, что физическая сила правительства является здѣсь только *придаткомъ* къ его соціальному авторитету, и съ паденіемъ послѣдняго у такихъ народовъ неудержимо падаетъ и самая власть правительства, хотя бы весь физическій

аппаратъ ея оставался цѣликомъ въ рукахъ правительства и оно, съ этой стороны, продолжало бы казаться ничѣмъ не поврежденнымъ и ничего не потерявшимъ. Съ этой точки зрѣнія, въ противоположность указанной выше ходячей теоріи, надо сказать такъ: правительство, утратившее свой соціальный авторитетъ, не можетъ уже выполнять своей функціи—регулятора соціальной жизни—хотя бы въ его рукахъ оставалась вся его прежняя физическая сила. При такомъ положеніи дѣла живая и жизнеспособная страна инстинктивно почувствуетъ, что она осталась безъ правительства и, въ виду крайней опасности такого положенія, какъ съ точки зрѣнія внутренняго порядка, такъ и съ точки зрѣнія внѣшней безопасности, направитъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы возсоздать себѣ правительство съ необходимыми качествами соціальнаго авторитета. И можно даже сказать, что въ такіе моменты какъ бы подвергается испытанію и провѣркѣ самая жизнеспособность народа и его право на историческое существованіе. Народъ, который не сумѣлъ бы справиться съ этой задачей, который не возстановилъ бы у себя, тѣми или иными средствами правительства, которому бы онъ могъ вновь довѣриться, какъ соціальному авторитету, и которому онъ вновь готовъ былъ бы повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть, — такой народъ едва ли могъ бы разсчитывать на самостоятельное и достойное историческое существованіе, особенно въ настоящее время, когда историческую арену занимаютъ народы, сами управляющіе своей судьбой.

Постараемся подробнѣе обосновать все только что сейчасъ сказанное.

Что правительство должно обладать не только соціальнымъ авторитетомъ, но и физической силой, это вытекаетъ изъ того, что всякое общество состоитъ изъ множества гражданъ, среди которыхъ всегда есть нѣкоторая примѣсь лицъ, не желающихъ повиноваться

никакому авторитету или, по крайней мѣрѣ, не желающихъ повиноваться тому авторитету, котораго таковымъ добровольно признаетъ огромное большинство членовъ общества. Кромѣ того и каждый изъ гражданъ, будучи вообще готовымъ при нормальныхъ обстоятельствахъ добровольно повиноваться законамъ и правительству своего отечества,—иногда, въ силу страсти или въ силу какого-либо рокового стеченія обстоятельствъ, можетъ выйти изъ повиновенія и стать „преступникомъ“. Между тѣмъ порядокъ въ общежитіи долженъ оставаться твердымъ, всякій долженъ питать увѣренность, что онъ можетъ на него положиться, поэтому и поддерживающую его руку, по крайней мѣрѣ для тѣхъ исключительныхъ случаевъ, о которыхъ мы говорили выше, надо вооружить не только авторитетомъ, но и физической силой, чтобы пускать ее въ ходъ тамъ, гдѣ не дѣйствуетъ авторитетъ. Итакъ, придатокъ физической силы правительству необходимъ, но только придатокъ, не больше! Физическая сила—на мѣстѣ и благодѣтельна, когда ее приходится примѣнять къ единицамъ изъ тысячъ, въ рѣдкихъ случаяхъ нарушенія нормальнаго теченія жизни вспышками страстей или дѣйствіями лицъ, вообще настроенныхъ антиобщественно, нежелающихъ повиноваться никакому общественному порядку. Но, съ этой точки зрѣнія, и самая физическая сила, требующаяся для поддержанія общественнаго порядка противъ лицъ, его нарушающихъ, можетъ быть весьма невелика. Если же общественный порядокъ, весь и какъ таковой, начинаетъ терять свой авторитетъ,—если посягательства нарушить его начинаютъ дѣлать не отдѣльныя лица, а цѣлые слои или классы населенія, или вообще множество лицъ, вовсе не настроенныхъ антиобщественно, а просто отчаявшихся въ благодѣтельности и цѣлесообразности этого порядка,—тогда настаивать на поддержаніи такого порядка физической силой становится или совершенно невозможнымъ, или

попытки къ этому начинаютъ не улучшать дѣло, а только безконечно его ухудшать. По самому существу дѣла общественный порядокъ долженъ быть таковъ, чтобы онъ устойчиво держался самъ собою и только кое-гдѣ требовалъ затраты физической силы и репрессіи по отношенію къ тѣмъ, которые составляютъ вредный грузъ всякаго общественнаго корабля, являясь носителями антиобщественныхъ наклонностей, — если же общественный порядокъ таковъ, что его въ каждой его точкѣ и по отношенію къ каждому члену общежитія приходится поддерживать силой и репрессіей, то при этихъ условіяхъ можно всѣ силы общежитія затратить на поддержаніе такого порядка и все-таки не достигнуть цѣли. Такой способъ дѣйствія былъ бы не только нецѣлесообразенъ, но просто-таки неосуществимъ. Нецѣлесообразно и даже фактически неосуществимо надъ каждымъ обывателемъ поставить городового! А если бы кому-нибудь этотъ примѣръ показался утрированнымъ, то позволю себѣ сослаться на введеніе у насъ сельскихъ стражниковъ, чтобы „силою“ предупредить повтореніе аграрныхъ безпорядковъ. Никто теперь не станетъ, конечно, спорить противъ того, что это средство для поставленной цѣли оказалось совершенно непригоднымъ и что затраченные на этотъ предметъ деньги были потрачены совершенно напрасно. Я думаю, что всѣ согласятся теперь также и съ тѣмъ, что режимъ, который утверждалъ, что „нѣтъ денегъ“ на школы и который выдавалъ ихъ столь щедрой рукой на усиленіе полиціи — безвозвратно губилъ свой соціальный авторитетъ, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ живого и жизнеспособнаго народа.

Итакъ, ясно, что правительству, по крайней мѣрѣ, въ современныхъ культурныхъ государствахъ, прежде всего требуется авторитетъ, и что придатокъ физической силы, по крайней мѣрѣ, для поддержанія внутренняго порядка, требуется ему въ весьма ограниченномъ количе-

ствѣ, — несравненно меньше противъ того, сколько ея имѣется въ рукахъ современныхъ правительствъ ради надобностей внѣшней защиты. Во всякомъ случаѣ, полезную роль въ смыслѣ поддержанія внутренняго порядка играетъ только нѣкоторый minimum организованной физической силы,—всякій же избытокъ ея сверхъ этого только вводитъ въ заблужденіе и властвующихъ и подвластныхъ, создавая иллюзію внѣшней прочности общественнаго порядка, когда онъ, на самомъ дѣлѣ, внутренно подтачивается и теряетъ свою силу. Такъ многимъ казалось, что обширная деревенская Русь, послѣ снабженія ея „сильной“ и „близкой“ властью въ лицѣ земскихъ начальниковъ, окрѣпла въ своемъ внутреннемъ порядкѣ, а послѣ дарованія ей сельскихъ стражниковъ даже стала непоколебимой, а, между тѣмъ—увы!— именно эти институты (въ соединеніи, конечно, съ другими, столь же мудрыми мѣрами) его окончательно расшатали, если не совсѣмъ уничтожили. Не очевидно ли, что тѣ, кто вѣрили во власть, какъ силу, и въ силу, какъ власть, — безконечно ошибались и что самая эта вѣра есть пагубнѣйшая соціальная иллюзія!

Правительству нуженъ авторитетъ. Какого же рода этотъ авторитетъ? Изъ какихъ данныхъ онъ составляется и чѣмъ онъ поддерживается?

Нетрудно дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Разъ правительство является верховнымъ вождемъ общественной жизни, то его авторитетъ можетъ проистекать не изъ чего другого, какъ только изъ удачнаго выполненія имъ своей задачи, т.-е. высшаго руководства всей общественной жизнью. Всякій народъ, всякое общество имѣетъ извѣстныя потребности какъ матеріальныя, такъ и духовныя, всякій народъ ставится ходомъ событій передъ извѣстными задачами какъ внутренними, такъ и внѣшними, — и вотъ правительству при всемъ этомъ приходится стоять въ центрѣ и во главѣ всей народной жизни, оно должно принять на себя верховное ру-

ководство выполненіемъ задачъ народа какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ и должно такъ направлять народную жизнь, чтобы достаточно удовлетворялись потребности народа какъ матеріальныя, такъ и духовныя. Ради выполненія указанныхъ задачъ, ради удовлетворенія народныхъ потребностей,—словомъ, ради всего того, что совокупно называется „общимъ благомъ", народъ приноситъ жертвы, какъ матеріальныя, такъ и духовныя, онъ добровольно отдаетъ въ руки правительству свое повиновеніе, — но за то онъ, въ концѣ-концовъ, если это только народъ жизнеспособный и сознательный, потребуетъ соотвѣтствія дѣйствій правительства общественному благу и, если такого соотвѣтствія не будетъ, поставитъ это въ вину своему правительству. Такимъ образомъ, ясно, что источникъ соціальнаго авторитета правительства лежитъ въ немъ самомъ: въ соотвѣтствіи его дѣятельности общественному благу и въ удачномъ разрѣшеніи имъ тѣхъ историческихъ задачъ, какія ходъ событій выдвигаетъ передъ даннымъ народомъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и авторитетъ каждаго правительства можетъ нарастать, или держаться на одномъ уровнѣ, или, наконецъ, падать.

Но говоря все это и настаивая на полной правильности утвержденія, что основа соціальнаго авторитета правительства вполнѣ реальная, а именно соотвѣтствіе его дѣятельности общему благу и удачное выполненіе имъ историческихъ задачъ народа, — мы должны, однако, сдѣлать ту оговорку, что все это явленіе соціальнаго авторитета правительства есть явленіе громоздкое и конкретное. Въ основѣ его лежитъ указанная простая логическая формула, но не въ своемъ чистомъ видѣ, а какъ бы обросшая и отягченная всѣми свойствами соціальной среды. Не надо забывать, что дѣятельность правительства оцѣниваетъ и его авторитетъ котируетъ не чистый логическій умъ, а сложная соціальная среда, почему и самая оцѣнка оказывается преломленной че-

резъ всѣ свойства мышленія и чувства этой среды. Поэтому дѣло обыкновенно происходитъ такъ: какія-либо крупныя заслуги передъ страной какого-либо правительства или отдѣльныхъ его представителей надолго устанавливаютъ его авторитетъ передъ народомъ, и чѣмъ этотъ авторитетъ старѣе и крупнѣе, тѣмъ онъ сильнѣе оказывается разукрашеннымъ народной фантазіей и чувствомъ; иногда дѣло доходитъ даже до приписыванія ему божественныхъ свойствъ и происхожденія. Въ силу этого разъ установившійся авторитетъ оказывается состоящимъ не только изъ первоначальной реальной основы, но и изъ многихъ добавочныхъ элементовъ, которые придаютъ ему дополнительную силу и часто даже затемняютъ его первоначальную основу: самому народу можетъ казаться, что онъ повинуется своему правительству не потому, что оно правильно руководитъ или руководило общественной жизнью, а потому что оно происходитъ отъ самого божества, или потому, что его право на управленіе страной независимо отъ утилитарной основы или вполнѣ свободно отъ народной оцѣнки и признанія. Словомъ, здѣсь происходитъ сложная историческая игра, участникомъ которой является цѣлый народъ со всѣми свойствами своей психологіи и которая облекаетъ голую логическую формулу сложной и затѣйливой исторической одеждой. Однако, эта сложность и затѣйливость внѣшности явленія не должна насъ обманывать насчетъ его дѣйствительнаго соціальнаго существа, насчетъ его дѣйствительной соціальной логики.

Итакъ, это одна оговорка: авторитетъ правительства можетъ быть давняго происхожденія и при этомъ можетъ быть разукрашенъ народнымъ чувствомъ и народной фантазіей. Другая оговорка, которую мы должны здѣсь сдѣлать, настаивая на вполнѣ реальной основѣ всякаго правительственнаго авторитета, заключается въ томъ, что авторитетъ правительства, разъ уже образо-

вавшись, дѣйствуетъ, какъ цѣлое, а не отдѣльными своими частями и не въ связи съ отдѣльными своими проявленіями. Съ этой стороны механизмъ власти правительства и соотвѣтствующаго ему повиновенія обстоитъ въ слѣдующемъ видѣ: правительство имѣетъ какъ бы общее полномочіе на верховное управленіе страной и народомъ и, во имя этого общаго полномочія, проявляетъ въ общественной средѣ массу отдѣльныхъ актовъ власти [1]). Этой массѣ актовъ власти соотвѣтствуетъ масса актовъ повиновенія, но все это повиновеніе оказывается правительству, если можно такъ выразиться, оптомъ, а не въ розницу. Если общій авторитетъ правительства силенъ и крѣпокъ, то отдѣльные граждане уже не ставятъ своего повиновенія въ зависимость отъ свойства отдѣльныхъ требованій правительства, — отъ ихъ цѣлесообразности, разумности или соотвѣтствія общему благу; правда, въ средѣ чуткой и сознательной отдѣльные акты правительственной власти, конечно, подвергаются обсужденію и оцѣнкѣ и каждый изъ нихъ, въ соотвѣтствіи со своими особенными свойствами, такъ или иначе дѣйствуетъ на общество, но самая охота повиноваться велѣніямъ власти гораздо больше зависитъ отъ общей силы авторитета правительства, чѣмъ отъ качествъ отдѣльныхъ его актовъ; качества отдѣльныхъ актовъ какъ бы тонутъ или стушевываются передъ общимъ авторитетомъ правительства, и если послѣдній крѣпокъ, то такъ же твердо повинуются нецѣлесообразнымъ и, можетъ быть, даже вреднымъ актамъ правительства, какъ и разумнымъ и полезнымъ. Словомъ, авторитетъ правительства является какъ бы общимъ резервуаромъ, гдѣ накопляется, исходя отъ его согласныхъ съ общимъ благомъ дѣйствій, сила его соціальнаго вліянія, которая затѣмъ уже и дѣй-

[1]) Въ этой общей постановкѣ мы не отличаемъ актовъ законодательныхъ отъ актовъ исполнительныхъ или судебныхъ.

ствуетъ на отдѣльные случаи своимъ общимъ давленіемъ; поэтому, если это общее давленіе велико, то оно легко преодолѣваетъ сопротивленіе воли и разума гражданъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣдніе оказываются въ антагонизмѣ съ велѣніями правительства.

Въ результатѣ повиновеніе остается непоколебимымъ, несмотря на особенности частныхъ случаевъ, и оказывается правительству оптомъ, какъ цѣлому, и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оно его требуетъ.

Въ силу всего сказаннаго, хотя авторитетъ всякаго правительства покоится на вполнѣ реальной основѣ соотвѣтствія его дѣйствій общему благу, народнымъ потребностямъ и общественнымъ задачамъ, но когда онъ уже существуетъ, то кажется, будто онъ представляетъ собою нѣчто готовое и данное, какъ бы независимое отъ текущихъ вліяній минуты; кажется, что авторитетъ правительства представляетъ несокрушимую скалу, о которую разбиваются набѣгающія на нее волны, безсильныя въ чемъ бы то ни было ее повредить или причинить ей какой бы то ни было ущербъ. Это зависитъ отъ того, что въ составъ авторитета правительства, разъ уже онъ существуетъ, входитъ все его прошлое, да еще разукрашенное воображеніемъ и чувствомъ, и, сверхъ этого, еще и его текущія заслуги; поэтому-то и тѣ противотеченія, которыя непремѣнно образуются по поводу неудачныхъ и неразумныхъ дѣйствій всякаго правительства, оказываются столь ничтожными передъ общей его силой, и она весьма легко ихъ всѣ преодолѣваетъ.

Но не слѣдуетъ обманываться этой общей картиной несокрушимости; не слѣдуетъ забывать, что общественный процессъ ни на минуту не останавливается, что всякое дѣйствіе правительства порождаетъ общественную реакцію, которая въ однихъ случаяхъ становится слагаемымъ суммы соціальнаго авторитета правитель-

ства, а въ другихъ случаяхъ, наоборотъ,—вычитаемымъ по отношенію къ его общей величинѣ; слагаемыя идутъ на пользу общей величинѣ, вычитаемыя, наоборотъ, ее уменьшаютъ, — и если балансъ прихода и расхода будетъ невыгоднымъ въ теченіе долгаго времени, или если по какимъ-либо причинамъ произойдутъ сразу крупныя въ немъ потери, то весь процессъ можетъ кончиться уничтоженіемъ авторитета правительства. Подобно тому, какъ всякая физическая скала не несокрушима, но можетъ быть подточена ударами набѣгающихъ волнъ или сокрушена какой-либо крупной катастрофой, такъ и нравственно-общественныя величины, одной изъ каковыхъ является соціальный авторитетъ правительства, также не могутъ быть несокрушимыми: они такъ же (и, можетъ быть, еще съ большей легкостью) могутъ быть уничтожены какъ медленнымъ, неблагопріятнымъ для нихъ процессомъ, такъ и какими-нибудь внезапными сильными ударами.

Но если вѣрно, что авторитетъ всякаго правительства не есть что-либо разъ навсегда данное и ничѣмъ несокрушимое, а, наоборотъ, подверженъ непрерывному процессу измѣненія съ вѣчнымъ приходомъ и расходомъ; если вѣрно, что статьи этого прихода и расхода являются прямымъ результатомъ удачнаго или неудачнаго выполненія правительствомъ выдвигаемыхъ временемъ задачъ, а также удовлетворенія или неудовлетворенія имъ постоянныхъ и текущихъ потребностей народа,—то очевидно, что правительство, дабы не терпѣть ущерба въ своемъ авторитетѣ, должно всегда стремиться къ соотвѣтствію по возможности всѣхъ своихъ актовъ тому, что собирательно именуется „общимъ благомъ“, должно всегда оставаться во взаимодѣйствіи съ общественными потребностями, охотно идти имъ навстрѣчу, во-время улавливать ихъ перемѣны и никогда не замыкаться въ самодовольствѣ и самоувѣренности; оно должно свободно допускать вліяніе на него обще-

ственнаго мнѣнія и относиться къ нему съ полнымъ благожелательствомъ и уваженіемъ, ибо нельзя знать и удачно удовлетворять народныхъ потребностей безъ указаній на нихъ и по поводу нихъ самого народа.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что на высшихъ ступеняхъ соціальнаго развитія потребности всякаго народа становятся столь сложны и разнообразны, игра и соотношеніе интересовъ внутри народа столь запутаны, а потому и установленіе того, что есть „общее благо“ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ столь трудно, — что для того, чтобы сохранить желаемый характеръ дѣятельности правительства, приходится въ самый составъ его ввести представителей населенія и путемъ особой организаціи дать мѣсто коллективному уму и волѣ народа въ самомъ управленіи страной. И когда это сдѣлано, тогда мало-по-малу уничтожается самое обособленіе правительства отъ народа, тогда самъ народъ является созидателемъ своего благополучія и виновникомъ своихъ несчастій, тогда ему не на кого жаловаться, и тогда самый вопросъ о соціальномъ авторитетѣ правительства теряетъ свою остроту, ибо оказывается вполнѣ обезпеченнымъ правильный приливъ этого авторитета изъ нѣдръ самого народа, колебанія этого авторитета перестаютъ быть очень рѣзкими и въ лицѣ своего правительства народъ какъ разъ получаетъ то, чего онъ заслуживаетъ и что онъ самъ можетъ дать. Это и есть нормальное положеніе вопроса о правительствѣ, объ его власти и объ его соціальномъ авторитетѣ. Самоуправленіе народа можетъ быть лучше или хуже организовано, въ зависимости отъ свойствъ самого народа оно можетъ давать тѣ или иные результаты, но съ установленіемъ его вопросъ о соціальномъ авторитетѣ правительства находитъ свое окончательное и удовлетворительное принципіальное разрѣшеніе.

Предыдущимъ — можно считать установленными, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ положительныя

основы теоріи власти правительства и его соціальнаго авторитета. Въ заключеніе мы должны коснуться также вопроса о возможномъ паденіи авторитета правительства вмѣстѣ съ неизбѣжно сопровождающимъ его паденіемъ и самой его власти. О причинахъ такого паденія мы уже говорили: ими являются или общее продолжительное несоотвѣтствіе дѣятельности правительства народному благу, или внезапныя крупныя неудачи, разоблачающія неспособность правительства стоять на высотѣ задачъ, выдвигаемыхъ временемъ, или то и другое вмѣстѣ. Замѣтимъ, что въ качествѣ крупныхъ неудачъ, особенно подрывающихъ авторитетъ правительства, чаще всего выступаютъ пораженія на войнѣ, для всѣхъ совершенно наглядныя и съ особенной силой дѣйствующія на народное самолюбіе и на чувство безопасности. Было бы, конечно, крайне интересно прослѣдить детально дѣйствіе тѣхъ и другихъ причинъ и разсмотрѣть самый процессъ подтачиванья ими правительственнаго авторитета и власти, но мы для этого не имѣемъ времени и потому вынуждены здѣсь обратиться прямо къ окончательному результату. Мы спрашиваемъ, — что же должно наступить, когда соціальный авторитетъ какого-либо правительства оказывается разрушеннымъ? Должна наступить общественная анархія и неповиновеніе. Если правильно наше предыдущее изложеніе, если, дѣйствительно, общественный порядокъ и общественная дисциплина въ своей основной массѣ зависятъ вовсе не отъ угрозъ и не отъ физической силы, а отъ соціальнаго авторитета правительства, отъ довѣрія къ нему общества и отъ добровольной охоты ему повиноваться,—то съ уничтоженіемъ этихъ истинныхъ основъ общественнаго порядка, очевидно, долженъ рухнуть и послѣдній. И если при нормальныхъ условіяхъ правительству оказывается оптомъ повиновеніе, то при описанныхъ ненормальныхъ условіяхъ надо ожидать обратнаго — массоваго неповиновенія.

Если члены общежитія повинуются правительству и законамъ, не входя въ разборъ отдѣльныхъ случаевъ, а полагаясь на качество цѣлаго, то это же свойство обывательской психологіи должно сказаться и на неповиновеніи: потерявъ вѣру въ общій авторитетъ правительства и законовъ, члены общежитія начнутъ неповиноваться, не входя въ разборъ отдѣльныхъ случаевъ, а только полагаясь на правильность общаго неблагопріятнаго вывода. И мы можемъ здѣсь констатировать—вѣроятно, къ искреннему удивленію поклонниковъ теоріи грубой физической силы — нѣчто даже большее: ослабленіе соціальнаго авторитета правительства съ сопровождающимъ его неповиновеніемъ, обусловленнымъ именно этой причиной, неблагопріятно отзывается и на томъ повиновеніи, которое въ обычное время зависитъ именно отъ угрозъ физической силой и потому сводится къ „страху“, а не къ „совѣсти“. При описанномъ положеніи начинаетъ просыпаться и разнуздываться въ обществѣ тотъ „звѣрь“, который, казалось бы, давно уже усмиренъ и скованъ чисто физическими угрозами; начинаютъ оказывать неповиновеніе тѣ антиобщественные элементы, на которые, казалось бы, уже давно надѣтъ намордникъ въ видѣ общей уголовной репрессіи и наказаній, которые покорены и держатся въ повиновеніи несомнѣнной силой. Такимъ образомъ приходится придти къ выводу, что при паденіи соціальнаго авторитета правительства серьезно ослабляется и дѣйствіе его физическаго могущества: ему перестаютъ повиноваться не только тѣ, которые раньше дѣлали это за „совѣсть“, но и тѣ, которые раньше дѣлали это изъ страха. Общественная анархія начинаетъ проникать рѣшительно во всѣ каналы и на волю вырываются даже тѣ страсти и инстинкты, которые составляютъ низшую сторону человѣческой природы, уступающую только силѣ и страху...

Такова предположительная картина общества при па-

денiи въ немъ соціальнаго авторитета правительства, вытекающая изъ всей нашей предыдущей теоріи. Если власть есть, въ сущности, только результатъ повиновенія и если повиновеніе, по крайней мѣрѣ, въ культурныхъ обществахъ и въ средѣ нравственно развитыхъ личностей зависитъ гораздо больше отъ авторитета, чѣмъ отъ физической силы, то отсюда прямо вытекаетъ, что паденіе авторитета правительства должно вести къ массовому неповиновенію, а слѣдовательно и къ паденію власти, хотя бы въ ея распоряженіи оставалась вся ея прежняя физическая сила.



КОНЕЦЪ.

